

СЕГОДНЯ — 100 ЛЕТ

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДА

КОМЕТА ТЕАТРА

В истории мирового театра имя режиссера, актера, педагога, теоретика и общественного деятеля Всеволода Эмильевича Мейерхольда — из самых блистательных и знаменитых. Сейчас нам даже трудно представить масштабы его популярности. Его спектаклями восторгались элитарные поэты и московские рабфаковцы. Когда Мейерхольда чествовали в Большом театре, то под звуки оркестра на сцену вышли бойцы Красной Армии. Режиссера приветствовали пехота и артиллерия, летчики и танкисты. «Твоему плечу знакома пролетарская винтовка! — говорил оратор. — Ты с честью носишь гордое имя коммуниста!» В Париже Мейерхольд показывал «Ревизора»; в зале сидели Шарль Дюллен, Кокто, Пикассо, Элюар, Луи Жувэ, то был смотр великих. Когда спектакль кончился, они встали, устроили овацию. В составе Красного Воздушного Флота числился военный самолет «Мейерхольд», на улице можно было купить расческу, на которой стояло одно лишь слово: «Мейерхольд». Он был почетным красноармейцем Московского гарнизона. Ученики называли его Мастером.

Сегодня мы празднуем столетие со дня рождения Всеволода Эмильевича, но много еще людей в нашем искусстве, хорошо знавших его, работавших вместе с ним. Это оттого, что Мейерхольд тянулся к юным, окружал себя молодежью. Шостакович вспоминает, что В. Э. часто повторял: «Тоскливо встречаться с людьми, которые родились в XIX веке». Однажды он сказал: «У молодости только один недостаток — это то, что она со временем проходит». Реакция молодежи на его идеи, чем дальше, тем в большей степени, становилась для Мейерхольда своего рода лакмусовой бумажкой. Да и сам он, казалось, овладел секретом вечной молодости. Уже седой, проделывал акробатические упражнения по биомеханике точнее, легче и изящнее, чем самый сильный и ловкий из учеников. Ему нравилось, когда у толпившихся кругом парней и девушек загорались глаза.

Позволю себе процитировать драматурга Алексея Файко: «Эпиктет учил: «Если ты стремишься понравиться, — ты близок к падению». Очевидно, мудрый грек не имел в виду театра. Не хотеть нравиться в Театре, значит — не жить Театром и ради Театра. Нравиться можно, конечно, по-разному: либо заискивая и угождая, либо обезоруживая и покоряя. И Мейерхольд никогда не шел по линии наименьшего сопротивления, но нравиться он хотел и любил. Он искренне страдал, когда замечал скуку на лице дежурной билетерши или равнодушные в глазах хотя бы у одного из оркестрантов».

У Мейерхольда были свои, XIX веку не свойственные, представления о настоящем успехе. Он учил молодых: «Если ваш спектакль все хвалят, то можно с уверенностью сказать, что он нигде не тодится. Если спектакль всеми встречен в штыки, то, может быть, в нем и заложено что-нибудь хорошее. Если он расклевывает зрительный зал пополам, то это наверняка удачная работа».

Почти все, анализировавшие мейерхольдовский спектакль по пьесе Файко «Учитель Бубус», пишут об одном важнейшем элементе постановки: музыке. В глубине сцены, над бамбуковым занавесом, укрепленным на медных кольцах, возвышалась эстрада-раковина. Там сидел юный пианист Лев Ариштам и разыгрывал по ходу действия опусы Шопена и Листа. Недавно в разговоре со мной известный кинорежиссер Лев Оскарович Ариштам с азартом вспоминал:

«Кончается спектакль, и я по «мизансцене выходов» стою с Мейерхольдом в кулисе. В зале не только аплодируют, но и свистят.

— Всеволод Эмильевич, свистят! — испуганно говорю я Мейерхольду. — Может быть, не выходить?

— Свистят! — с восторгом восклицает он. — Но это прекрасно! Пошла! — И тянет меня за собой, на сцену, раскланиваться.

В первом ряду, демонстративно вскочив на ноги и высоко подняв руки, аплодирует Луначарский. Но Мейерхольд особенно низко кланяется, приветственно протянув руки, в тот угол зала, откуда явственно доносятся свистки...».

Он привык к славе, сотканной из хвалы и хулы перепешку. Ибо с обостренной чуткостью прислушиваясь к реакциям зрителя, тем не менее, слишком часто оказывался впереди него. Эксперимент был первой заповедью, главной движущей силой, сущностью искусства.

В. Э. Мейерхольд в форме красноармейца. 1926 г.

ва Мейерхольда. Исследователь сравнил Мейерхольда с фокусником, извлекающим из волшебной шкатулки самые неожиданные и плохо соседствующие предметы.

И действительно, почти каждая новая постановка Мастера словно «отменяла» предыдущую. Аскетизм «Зорь» по Верхарну подчеркивал барочную пышность «Маскарада». Конструктивизм торжествовал в «Великодушном рогоносце», но уже в «Д. Е.» над ним посмеивались, «Лес» Островского вырос на берегах «Озера Ляль» Файко. Примеры можно умножить.

Точно так же стыкуются в творческой практике Мейерхольда художественные идеи, восходящие к различным пластам мировой театральной культуры. Увлечение старинным испанским театром и commedia dell'arte, русским потешным балаганом и эстетикой немецких «сверхподмостков»...

Особо хочу отметить стойкую любовь к восточному искусству. И здесь Мейерхольд оказался провидцем, намного опередившим свое время. «Он любил особую простоту, лаконизм, своеобразие театров Востока; приемы мизансценирования, графичность движений, их предельную выразительность, конденсированность эмоций», — подтверждают записи Назыма Хикмета.

Что же позволило Мейерхольду переплавить разноречивые и мощные влияния, свести все эти «составляющие» в единое яркое целое, очерченное столь же четко и резко, как и знаменитый профиль Мастера? Ответ может быть дан лишь один: Революция.

Предреволюционный Мейерхольд стоял на пороге кризиса. Слишком много было соблазнов: спорящих друг с другом, меняющихся аспектов реальности и искусства. Кажущаяся свобода выбора оборачивалась несвободой: «...мир, который он так хотел прояснить, оставался для него туманностью, хаосом, нагромождением несуразностей. И чем настойчивей он пытался уйти от этой угнетающей дисгармонии, тем больше усложнялось его творчество», — поясняет критик. Революция покончила с этой мучительной несвободой.

Всеволод Эмильевич часто говорил, что пошел за революцией потому, что она одним ударом разрубила все узлы, которые до того надо было с напряжением и душевными муками распутывать; потому что революция — это *clarité*, если воспользоваться французским словом, означающим ясность.

Многие, пишущие о Мейерхольде, вспоминают об Оскаре Уайльде. В самом деле: Уайльда Мастер почитал, сыграл лорда Генри в им же поставленном немом фильме «Портрет Дориана Грея». А «секрет вечной молодости», о котором мы говорили! А эйзенштейновское восклицание: «Мейерхольд! Сочетание гениальности творца и коварства личности!». Тень декаданса витала над изломанным мимом во фраке, цилиндре и с маской на рукаве, изображенным на выставленном в 1916 году портрете работы Бориса Григорьева...

Революция дала Мейерхольду осознание цели, твердое направление, чувство ответственности, нужности, более того — необходимости его дела. Он пришел к ней вместе с Блоком и Брюсовым, он продолжал этот путь вместе с Маяковским. Иного решения он себе не представлял, ибо был благодарен революции за ее спасительную суровость. И он служил ей честно и самоотверженно, и отдал всего себя: весь свой гениальный режиссерский размах, неистовый пыл экспериментатора, пафос пророка нового, невиданного искусства коммунистической эпохи.

С. ВОЛКОВ.